

ТЕО ГУРИЕЛИ

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

10 ВЕКОВ БОРЬБЫ
ЗА НЕЗАВИСИМОЕ РАЗВИТИЕ

ОМЕГА-А

Тео Гуриели

**Российская империя. 10 веков
борьбы за независимое развитие**

Издательство «Омега-Л»

2026

УДК 93/94
ББК 63.3(2)

Гуриели Т.

Российская империя. 10 веков борьбы за независимое развитие /
Т. Гуриели — Издательство «Омега-Л», 2026

ISBN 978-5-370-05753-3

Эта книга предлагает принципиально новый взгляд на историю Российского государства, бросая вызов традиционным западным нарративам. В отличие от колониальных империй Европы, Россия с самого своего зарождения в IX веке складывалась как уникальный полиэтнический проект выживания и консолидации перед лицом постоянных внешних угроз. Автор детально показывает, как геополитическое положение между Востоком и Западом предопределило многовековую борьбу за независимое развитие — от противостояния с Византией и Золотой Ордой до экономического противоборства с Ганзейским союзом, который вел против Руси нечестную торговую политику. Читатель проследит сложный путь становления российской государственности через призму дипломатии, экономики и культурного взаимодействия народов. Это фундаментальное исследование для тех, кто хочет понять не только прошлое, но и современные геополитические процессы, для историков, политологов и всех, кто ищет глубокий анализ русской государственности без однобоких трактовок. Книга доказывает: российская история — это история воли к независимости и отстаивания своего права на суверенное развитие. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-370-05753-3

© Гуриели Т., 2026

© Издательство «Омега-Л», 2026

Содержание

От автора	7
Предисловие	8
Русь. Предпосылки для рождения суверенного государства	15
Споры об опричнине	18
Грандиозное шоу Ивана IV	24
«Опричный террор» и страшные выдумки	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Тео Гуриели
Российская империя
10 веков борьбы за независимое развитие

© Катамидзе В. И., 2026

© Издание. Оформление. ООО «Издательство «Омега-Л», 2026

От автора

Прежде чем начать рассказ о становлении и развитии Российской империи, нужно сделать одно замечание. В отличие от других империй, создание которых, как правило, было предопределено усилением и историческим развитием одного этноса, рождение и развитие Российской империи с самого начала обуславливалось ее полиэтническим характером. Амальгама этносов, участвовавших в становлении Руси как державы и формировании империи, была в корне отлична от той формулы, которая приводила к рождению европейских империй, создававшихся из романских, германских и в значительно меньшей степени славянских племен и народов. В своей сути цели создания империй были прямо противоположны: европейские империи создавались для захвата чужих земель и подчинения народов своей воле, а Российская империя создавалась и укрепляла свое могущество для отстаивания своей политической и территориальной независимости и собственного национального роста.

Российская империя складывалась из восточнославянских племен, тюркских народностей, кавказских народов и даже финно-угорских национальных элементов, и сегодняшняя Российская Федерация, являющаяся в своей сущности империей такого же типа и сочетающая в себе те же этнические группы, что и Российская империя XVIII–XX веков и СССР, который стал правопреемником той империи, не могла не унаследовать многие черты государств, располагавшихся на большей части российской территории. Заметим при этом, что российская империя никогда не была колониальной и, соответственно, не может быть такой и ныне. Естественно, что заявления русофобов об их стремлении «деколонизировать Россию» есть не что иное, как жалкие попытки примерить на нее свой собственный, давно изношенный «колониаторский мундир».

Рождение русской империи было процессом долгим, поскольку и формирование русской нации, и определение обороняемых границ, и постановка общенациональных задач для полиэтнического населения России потребовали многих веков. Более того, порой татары в разных районах России в большей степени проникались идеей общегосударственного единства, чем некоторые российские княжества, стремившиеся к независимости, обособленности или отделению от русского государства. Чтобы читателю стали понятны все те процессы, которые тормозили становление Российской империи, и пути, по которым шли объединительные процессы, мы сочли целесообразным начать рассказ о сложном процессе рождения Российской империи со времен становления первого русского государства.

Предисловие

В IX веке в Приднепровье и примыкающих районах сложилось государство Русь, которое историки и философы называют еще «Киевской Русью» и «державой Рюриковичей». Вообще IX и X века были отмечены бесконечными войнами на большей территории Евразии, и особенно в Восточной и Юго-Восточной Европе. Особенно отличались грабительскими военными действиями норманны. В далекие от Скандинавии страны – на Волгу, в район Каспия, в Черноморье, даже в пределы Византии – ими проводились походы, в которых участвовали немалые силы и которые сопровождались захватом богатой добычи и пленников. Норманны отличались организованностью, высокой военной выучкой. Их вожди были умелыми командирами и славились огромной силой и мастерством владения оружием. Согласно летописям, один из них, Рюрик, был приглашен около 862 года на княжение в Ладоге (по версии Ипатьевского извода «Повести временных лет») или в Новгороде (по версии Новгородской первой летописи младшего извода). Вместе с Рюриком пришли его братья Синеус и Трувор, севшие в других городах, после смерти которых он стал единоличным правителем.

«Призвание варягов», как это событие именуется в древней истории Руси, сыграло важную роль в создании государства из прежде разобщенных племен и общин. Держава Рюриковичей, скорее всего построенная первоначально по принципу древнескандинавских военных племенных объединений, быстро росла. К концу IX века она достигла такой силы и могущества, что соседние народы не могли не считаться с ней. Заметим, что, по признанию летописцев, число норманнов и, соответственно, воевод из их числа было в сотни раз меньше, чем руссов. Во многих районах власть полностью принадлежала выходцам из славянских племен.

Географическое положение Киевского государства было крайне выгодным: оно располагалось на великих речных путях, соединявших Балтийское море с Днепром, с Черным морем, с Волгой и с Каспийским морем. Это определило связи Киевской Руси: на юге с Византией, на востоке с Хазарским каганатом, на севере со Скандинавией. С последней киевских князей связывали давние династические отношения. Оттуда они временами черпали наемные военные силы, отсюда шел непрерывный приток варягов – искателей приключений, жадных до славы и грабежа. Через Хазарию шла торговая дорога в страны Средней Азии, куда норманнские правители сплавливали пушнину и рабов. Одно время хазарские каганы пытались даже оспаривать у киевских князей сбор дани с населения Приднепровья.

Но самое сильное и глубокое влияние на историю восточного славянства оказало соседство с Византией. Для Киевской Руси Византия служила рынком, куда князья и их дружинники сбывали меха и рабов, и откуда они получали тканые золотом материи и другие предметы роскоши. В Царьграде «языческая Русь» знакомилась с великолепием христианской культуры. Богатства и роскошь Царьграда служили постоянной приманкой для завоевателей. Ряд опустошительных походов Руси на черноморские владения византийских императоров и на самый Константинополь тянется от IX до середины XI века.

Византия очень рано стала пытаться втянуть державу Рюриковичей в свою политическую систему и тем самым, во-первых, ослабить опасность, грозившую Византийской империи с ее стороны, а во-вторых – использовать «великий народ» руссов в собственных интересах. В основе восточноевропейской политики Константинополя лежало стремление путем натравливания одних народов на другие отвлекать их от нападений на свою империю. Император Константин Багрянородный, современник киевского князя Игоря, в сочинении «Об управлении государством» рекомендовал своему сыну для удержания Руси от походов на Константинополь натравливать на нее соседей-кочевников – печенегов. «Печенеги, – писал он, – связанные дружбой с императором и побуждаемые им посредством посланий и даров, легко могут напасть на земли руссов... Руссы не могут даже выступать в заграничные походы, если не живут

в мире с печенегами, так как последние во время их отсутствия могут сами делать набеги и уничтожать или портить их имущество».

С другой стороны, Игорь, по договору с Византией 943 года, обязался не пускать в подвластный императору Крым «черных болгар», которые «пакостят стране его». Сына Игоря, знаменитого Святослава, византийские дипломаты пытались использовать для ослабления Болгарского государства на Дунае, которое представляло в то время значительную опасность для Византии. Но когда Святослав повел в Болгарии самостоятельную политику, отнюдь не соответствовавшую взглядам константинопольского двора, греки напустили на Киев печенегов и заставили беспокойного русского князя временно уйти обратно к себе.

При возвращении на родину из вторичного похода в Болгарию Святослав был убит печенегами – по подстрекательству тех же греческих дипломатов.

Это не помешало византийцам, когда против них в конце 987 года восстал в Малой Азии честолюбивый и талантливый полководец Варда Фока, опять вступить в переписку «с царем руссов» и просить помощи у сына Святослава Владимира. Для прочности союза Владимиру была обещана рука одной из царевен императорского дома. Со своей стороны Владимир обязался креститься сам и крестить свой народ. Крещение рассматривалось византийскими политиками как косвенное признание вассальной зависимости от их империи.

Эта хитроумная политика Византии в отношении Руси не увенчалась, однако, успехом. Киевские князья сумели сохранить свободу действий. Святослав, призванный императором Никифором Фокой для умирения болгар, одержав блестящие победы над ними, проявил намерение сохранить завоеванную страну под своей непосредственной властью и даже перенес свою постоянную резиденцию в столицу Болгарии – Переяславец. Немалых усилий стоило преемнику Никифора Фоки Иоанну Цимисхию заставить Святослава покинуть берега Дуная.

Позднее отряд руссов, посланный Владимиром, помог константинопольскому правительству подавить восстание Варды Фоки. Но когда императоры Василий и Константин не выполнили условий договора, в частности в отношении брака с царевной, Владимир осадил принадлежавший Византии город Херсонес в Крыму и заставил императоров выполнить свои обязательства. При таких условиях ни с какими вассальными отношениями к Византии крещение Руси не могло быть связано. Так же независимо держался в отношении Византии и сын Владимира Ярослав Мудрый. В 1043 году он расторг дружеские отношения с Византией из-за обид, причиненных русским в Константинополе, и предпринял морской поход на столицу империи, а в 1051 году порвал и церковную связь с константинопольским патриархом, избрав на соборе русских епископов нового митрополита – «русина» Иллариона.

После крещения Руси международные связи Киевского государства и Западной Европы значительно расширились и окрепли. Киевское государство вступило в сношения не только с Византией, но и с католическими странами Средней Европы как равный и полноправный член христианского общества. Владимир Святославич, по словам летописи, «жил с князьями окольными в мире – с Болеславом польским и со Стефаном венгерским и с Андрихом [Удальрихом] чешским, и были между ними мир и любовь». Этими словами довольно точно определяется ближайшее политическое окружение Киева. К перечисленным окольным странам следует прибавить Скандинавию, связь с которой не порывалась и в XI веке.

Политические отношения скреплялись брачными союзами. Болеслав Храбрый, князь польский, сватался за Предславу, дочь Владимира; его преемник Казимир был женат на другой дочери Владимира, Марии Доброгневе. Младшая дочь Ярослава Анастасия была за венгерским королем Андреем, старшая, Елизавета, – за знаменитым норвежским королем Гаральдом Гардрадом. Сам Ярослав был женат на дочери шведского короля Олафа – Ингигерде.

Со второй половины XI века Киевское государство, подобно другим государствам аналогичного происхождения, распадается на уделы, делится между потомками завоевателей, разбивается на части феодальными войсками, разбивается вторжением иноземных народов. Но

с распадом Киевского государства на ряд обособленных княжеств, который начался после смерти Ярослава и завершился в XII веке, сношения Киевской Руси с Византией и Западной Европой не прекратились. «Слава великая» русских князей, если верить летописи, доходила «ко странам дальним: к грекам, и к венграм, и к ляхам [полякам], и к чехам, и даже до Рима». С Византией постоянная связь поддерживалась благодаря подчинению русской церкви константинопольскому патриарху.

Но связи были не только церковные. У Руси и Византии был общий враг – половцы, одинаково угрожавший благосостоянию обеих стран. Если в X веке Византийская империя натравливала печенегов против Руси, то теперь она нуждалась в русских князьях: с ними заключались наступательно-оборонительные союзы. В 1073–1074 годах по просьбе императора Михаила VII Дуки русские князья во главе с Владимиром Мономахом ходили на усмирение восставшего против Византии Херсонеса. В 1160 году император Мануил Комнин просил у киевского князя Ростислава Мстиславича помощи против венгров – «в силу заключенного между русскими и греками мира». В союзе с Мануилом Комнином были и галицкие князья Владимир Володаревич и его сын Ярослав Осмомысл. Проводником византийской политики на Руси был митрополит киевский, назначаемый патриархом из греческого духовенства и фактически являвшийся агентом константинопольского правительства в Киеве. О тесных связях с Византией в ту эпоху свидетельствуют брачные союзы между русскими княжескими домами и византийским императорским домом. Владимир был по матери внуком императора Константина Мономаха, от которого и принял свое греческое прозвище «единоборца». Дочь самого Владимира была замужем за Леоном, сыном императора Диогена, одна из его внучек – за царевичем из дома Комнинов.

Немалое политическое значение имели в ту эпоху и брачные союзы русских князей с правящими домами соседних государств. Напрасно греческое духовенство внушало русским князьям, что «недостойно зело благоверным князьям отдавать дочерей своих в страны, где служат на опресноках». Соображения политические брали верх над религиозными предписаниями. По наблюдению одного из известнейших исследователей русско-польских отношений Линниченко, польский двор зорко следил за политическим положением в Руси и искал браков с той княжеской линией, которая в данную минуту могущественнее. За время с 1043 года до конца XIII века исследователь насчитал пятнадцать брачных союзов между русскими и польскими правящими домами. Политическое значение брачных союзов между Венгрией и Русью видно хотя бы из обручения Даниила Романовича галицкого в детстве с малолетней дочерью венгерского короля Андрея. Вступали русские князья в брачные союзы и с чешскими князьями.

Две самые могущественные политические силы средневековой Европы – Германская империя и папство – не остались вне дипломатического кругозора Киевской Руси. В 1073 году сын Ярослава Мудрого Изяслав в борьбе с братьями искал содействия у германского императора. Его соперник и брат Святослав избежал вмешательства Германии только путем непосредственных переговоров с императором. Успех, достигнутый им, объясняется тем, что сам он был женат на сестре одного из крупнейших германских феодалов, Бурхарда, епископа трирского, который и служил посредником в переговорах. Искал сближения с Германией и третий сын Ярослава – Всеволод. Его дочь Евпраксия была замужем за маркграфом Бранденбургским, а овдовев, обвенчалась с императором Генрихом IV.

В поисках союзников для своего восстановления на киевском престоле Изяслав Ярославич послал своего сына в Рим к папе – и даже признал себя данником римского престола, принес должную присягу «в верности князю апостолов» и «принял царство опять, как дар св. Петра» из рук папы Григория VII. Заявления нунциев папского престола в Польше в пользу Изяслава привели к триумфальному его возвращению в Киев при содействии Болеслава Смелого.

В другом случае инициатива сближения шла от самого папского престола. В 1245 году под влиянием паники, охватившей всю Европу перед лицом монголо-татарской опасности, папа Иннокентий IV держал собор в Лионе о положении «святой земли» (Палестины) и об отражении монголо-татар. На соборе было решено обратиться за помощью к «русскому королю», т. е. Даниилу Романовичу Галицкому. Завязавшиеся сношения завершились около 1253–1254 годов торжественным примирением католической церкви с русской. Но церковная уния преследовала чисто политические цели – создание союза для борьбы с монголо-татарами. Очевидно, ту же задачу имело и папское посольство к новгородскому князю Александру Ярославичу (Невскому). Союз между папским престолом и Юго-Западной Русью был закреплен коронованием Даниила Романовича королевской короной из рук папских легатов. Международное значение этого акта очевидно. Принять предложение папы убедили Даниила польские князья и вельможи, заявив ему: «возьми венец, и мы тебе на помощь придем против татар».

С возникновением торговых немецких городов в Прибалтике русские купцы старались завязать с ними оживленные торговые отношения, заключить как можно больше торговых договоров, которые имели целью урегулировать условия торговых сношений русских городов с немецким купечеством. Они успешно развивались, но тут пришла большая беда: монголо-татарское нашествие.

После завоевания и опустошения русской земли монголо-татарами международное значение русских княжеств было в значительной степени утрачено. Юго-западные русские земли постепенно подпали под власть великих князей Литовских и Польши и на долгое время утратили свою самостоятельность. Северо-Восточная Русь, отрезанная Литвой и немецкими рыцарями от общения с Западной Европой, угнетенная татарским игом, которое «не только давило, но оскорбляло и сушило душу народа, ставшего его жертвой», была почти совершенно оторвана от общения с другими народами. В течение XIV и даже первой половины XV века международные отношения Северо-Восточной Руси ограничивались почти исключительно Золотой Ордой, Литвой и торговыми сношениями Новгорода с немецкой и шведской Прибалтикой.

Связь Северо-Восточной Руси с Византией поддерживалась благодаря зависимости русской церкви от константинопольского патриарха. Отношения с Литовским великим княжеством определялись почти исключительно необходимостью обезопасить русские земли от наступления литовских феодалов. Сношения Новгорода с прибалтийскими городами, объединившимися в XIV веке в сильный Ганзейский союз, велись в тех же направлениях, какие намечались в договорах XII и XIII веков. Характерная особенность новгородских договоров XIV–XV веков заключалась в том, что хотя они и писались от имени великого князя, но фактически заключались властями боярской республики, каковой был в то время Новгород, – епископом, посадником и тысяцким, иногда при участии представителей «концов» (на которые делился город) и лишь отдельных разрядов новгородского населения.

Решающим моментом во внешней политике северо-восточных русских княжеств стали их отношения к Золотой Орде. Вассалы золотоордынских ханов, русские князья должны были не только платить им дань и нести другие повинности, но и подчинять всю свою внешнюю политику их воле, являясь по ханскому приказу со своими войсками к ним на помощь. Хан своим вмешательством регулировал важнейшие внешнеполитические вопросы. Так, хан Менгу-Темир (конец XIII века) обратился с указом к великому князю владимирскому Ярославу Ярославичу о предоставлении свободного проезда немецким купцам через территорию его княжества: «дай путь немецкому гостю на свою волость!»

Впрочем, вмешательство хана в международные отношения «Русского улуса» ограничивались теми случаями, когда эти отношения непосредственно затрагивали интересы Золотой Орды. В остальном русским князьям предоставлялась возможность действовать совершенно самостоятельно, заключать договоры и вести войны, с кем они хотели. Зато, всячески эксплуатируя Русь, ханы были крайне заинтересованы в том, чтобы не ослабевала вассальная зави-

симось от них русских князей. Они требовали, чтобы русские князья постоянно выражали публично свое поклонение ханам и делали это в присутствии большого скопления народа. Князья утверждались в своем звании ханскими «ярлыками» (грамотами) и сажались на престол лицами, уполномоченными ханом. По первому зову они должны были беспрекословно являться в Орду, и уклонение от немедленного прихода рассматривалось как государственная измена. В Орде не только княжеские послы, но и сами князья должны были исполнять самые унижительные обряды – кланяться в землю хану, стоять перед ним на коленях. «О, злее зла честь татарская!» – восклицает летописец по поводу приезда в Орду Даниила Романовича галицкого.

Татарские послы, приезжавшие на Русь с золотой или серебряной дощечкой с ханской тамгой (условным знаком) или соответствующей надписью, принимались с раболепным почетом. «Не разбирая, имеет ли ханский посол высший или низший чин, – отмечал китайский писатель XIII века, – все наперерыв ему кланяются... сажают его на высшее место; правители сами чинят коленопреклонение и оказывают всевозможное усердие». Этому порядку приема ханских послов подчинялись долгое время и русские князья. По словам германского посла Герберштейна, даже Иван III будто бы, «когда приближались татарские послы, выходил к ним навстречу за город и выслушивал их стоя, тогда как они сидели».

Постоянные унижения, непрерывная опасность татарских набегов, наконец, отсутствие личной безопасности князей, жизнь и смерть которых зависела от произвола хана, способствовали выработке особых дипломатических приемов в отношении Золотой Орды. Начиная с великого князя владимирского Ярослава Всеволодовича и его знаменитого сына Александра Невского, князья в основу своей золотоордынской политики полагали «старание всячески угождать хану, не давать повода для его гнева, задабривать его и его приближенных подарками и покорно исполнять все требуемые обряды». Даже Дмитрий Донской вынужден был согласиться оставить в Орде в качестве заложника собственного сына.

Малокультурные татарские феодалы, уверенные в своей силе, в общем легко поддавались этой довольно элементарной дипломатии слабых и не всегда замечали, как под прикрытием подобострастия и покорности их русские вассалы в самой Орде плели политические козни и сводили собственные счета, вовлекая самих ханов в эту игру. Русские князья успешно пользовались той феодальной раздробленностью, которая господствовала в Орде. У каждого из них были свои благодетели среди татарских беков – вассалов хана. Щедрыми подарками хану, его советникам и женам можно было достигнуть очень многого. Политика Золотой Орды, заключавшаяся в том, чтобы не давать одному князю усиливаться за счет другого, открывала простор для широких интриг. Постепенно ханы сами стали попадать в сети искусных в деле дипломатии московских князей.

К примеру, суть золотоордынской политики хитроумного князя Ивана Калиты заключалась в том, чтобы, играя роль послушного орудия в руках хана, этим путем «заимствовать власть у него и затем обращать эту власть против соперников-князей и против своих собственных подданных». Этой политике следовали старательно и последовательно все преемники Калиты – вплоть до Ивана III.

Несмотря на все предосторожности, которые принимали татарские ханы, во второй половине XVI века на международную арену вышло Московское государство, великое княжество, сложившееся как сугубо национальное русское образование и ставшее после распада Киевской Руси основным выразителем идеи государственного объединения русских земель. «Московское великое княжество» представляло собой по форме феодальную монархию. Новое государство, объединившее своей властью обширные пространства Восточной Европы, заняло видное международное положение. Уже во второй половине XV века великое княжество Московское представляло собой весьма внушительную политическую силу на европейском горизонте. Западные монархии, естественно, задумались над тем, какое место найти для него в системе

государственных взаимоотношений, которая сложилась к этому времени в Европе; иными словами, как обязать это государство теми религиозно-правовыми путями, которые не позволили бы ему стать независимым и мощным.

В арсенале, который имелся у западноевропейских стран для закабаления того или иного народа, были, разумеется, и экономические методы. Здесь самую главную роль играла «Ганзейская лига». Если заглянуть в авторитетные словари, немецкое слово «ганза» (hansa) обозначает либо город из Ганзейской лиги, либо купца, который был членом этого союза. Между тем в древнем немецком языке это слово означало нечто совсем другое: некую группу людей, у которых были общие интересы, сплоченную компанию, шайку, даже банду. В раннем Средневековье так называлась шайка охотников за легкой поживой. С этой точки зрения, первый купеческий союз, созданный еще в XII веке в германском городе Любеке, был назван «ганзой» в полном соответствии с его задачами: осуществлять крайне доходную, беззастенчиво выгодную, грабительскую торговлю в восточной части Балтийского моря. Мелкие «ганзы» выросли в «Великую ганзу» – союз городов. В разное время членами Ганзы были от 70 до 170 городов, торговавших в Балтике.

Тут надо сразу отметить весьма важный пункт: к моменту образования такой большой и сплоченной общими целями торговой ассоциации природные ресурсы Северной Европы, за исключением угля, были в основном уже израсходованы. Поэтому когда этот политико-экономический союз был на пике своей доходности, ее можно было обеспечить одним-единственным способом: получением таких ресурсов из земель, лежащих к востоку, – то есть из России. Потребителями этих ресурсов были примерно сто портовых городов Западной Европы и примерно три тысячи прочих населенных пунктов, находящихся под их контролем. А для того, чтобы прибыль в приобретении этих ресурсов, от зерна до пушнины, была максимальной, требовалось два условия: первое – получение (любыми способами!) привилегий в торговле с русскими городами, через которые эти ресурсы и выкачивались, и второе – сохранение этих привилегий с помощью оружия.

Вышесказанное дает представление о том, что Ганзейская лига никогда не желала честных партнерских отношений с Россией, и что в тех отношениях с ней, которые она считала для себя приемлемыми, доминировали ложь, лицемерие и коварство. Лига декларировала партнерство, общее благоденствие и честность, но в ее деятельности не было ничего, кроме презрения к народу, с которым она имела дело, и постоянного давления на русских поставщиков ради высокой прибыли. Лига часто бряцала оружием: ведь ее опорой на востоке были рыцарские ордена, ее верные союзники. Лига строила или покупала крепости, снабжала ордена оружием и деньгами. Чтобы поддержать свой имидж, Ганзейская лига прибегала к обычному фанфаронству: лига заключала договоры от имени «купечества Римской империи»...

Масштабы выкачивания ресурсов из России были фантастическими. Судите сами: именно за счет поставок из России мехов, кож, воска, рыбы, жиров, зерна и прочих товаров, за которые Ганза платила гроши, ее оборот постоянно рос; она открыла свои конторы и устроила склады в Лондоне, Бергене, Венеции, Брюгге и в Новгороде. В них часто состоялись встречи купцов, на которых обсуждались пути увеличения прибыли.

Еврофилы, готовые в любой ситуации обвинять Россию и считать западноевропейцев правыми и честными во всем, пишут, захлебываясь, что торговля русских городов с Ганзейским союзом началась еще в XII веке и способствовала процветанию обеих сторон. Верно, именно в то время, уже узнав, что Русь – это сокровищница природных ресурсов, западноевропейские купцы рванулись на восток – но все, что они делали, было выгодно только им!

В 1462 году Великим князем московским стал Иван III. На Руси до того времени не было политической фигуры такого масштаба. Чтобы дать представление о нем, как о сильном и мудром правителе, достаточно назвать два огромных его достижения: он более чем в два с половиной раза увеличил территорию своего государства и избавил Русь от оброка, который

ежегодно она выплачивала Золотой Орде. Он хотел видеть Русь единой, сильной, независимой и процветающей. Но засилье ганзейских купцов в Новгороде было той незаживающей язвой на теле страны, которая не давала всем княжествам пользоваться этим городом как воротами для торговли всей страны с Балтийским регионом, а ограничения, наложенные на торговлю новгородских купцов, делали и их подручными Ганзы.

В 1486 году в Москву приехал через Литву некий Николай Поппель из Силезии. По возвращении он стал распространять молву о Московской Руси, о богатстве и могуществе правящего в ней государя. Для многих это было новостью: о Руси в Западной Европе ходили до тех пор только случайные слухи как о стране, подвластной польским королям. Спустя три года Поппель вернулся в Москву уже как официальный агент германского императора. На тайной аудиенции он предложил Ивану III ходатайствовать перед императором о присвоении ему титула короля. Он объяснял необходимость этого тем, что с точки зрения западноевропейской политической мысли это единственный способ легализовать новое государство и ввести его в общую систему западноевропейского мира.

Уже с 70-х годов XV века как Венецианская республика, так и римский престол с надеждой взирали на далекий северо-восток. Этим объясняется то сочувствие, с которым был встречен и в Риме, и в Венеции проект брака могущественного русского государя с находившейся под покровительством папы наследницей византийского престола Зоей (Софией) Палеолог. Через посредство греческих и итальянских дельцов проект этот был осуществлен в 1472 году. Посылка в Москву одновременно с невестой и полномочного «легата» (посла) папы Сикста IV – аббата Бонумбре – снабженного самыми широкими полномочиями, свидетельствовала о тех широких планах, какие связывались папской дипломатией с этим брачным союзом. Венецианский совет со своей стороны внушал Ивану III мысль о его правах на наследие византийских императоров, захваченное «общим врагом всех христиан» – султаном, потому что «наследственные права» на Восточную империю, естественно, переходили к московскому князю в силу его брака. Еще в 1519 году папский престол призывал Василия III «за свою отчину Константинопольскую стояти» и выступить «для общего христианского добра против христианского врага турка, кой держит наследие царя всея Руси».

Однако все эти дипломатические маневры не дали никакого результата. У Русского государства были другие неотложные международные задачи. Их Иван III и проводил неуклонно в жизнь, не давая себя прельстить никакими ухищрениями Рима или Венеции. На первой очереди стоял вопрос о воссоединении русских земель, захваченных польско-литовскими князьями, и о возвращении новгородской земли в лоно русского государства. Объединив всю Северо-Восточную Русь, Москва объявила, что русские земли, входившие некогда в систему Киевского государства, являются наследственной «отчиной» московского великого князя. Великокняжеское правительство поэтому упорно отказывалось юридически признать захват русских земель Литвой.

До разрешения этого спора оно соглашалось лишь на перемирия, уклоняясь от заключения «вечного мира». «Коли государь ваш похочет с нашим государем любви и братства, – говорили в 1503 году московские бояре литовским послам, – он бы государю нашему отчины их Русской земли всей поступился». Со своей стороны и польско-литовское правительство протестовало против того, чтобы московские великие князья титуловались государями «всея Руси». Именно западными странами закладывались основы долговременного противостояния Руси и европейских стран.

Русь. Предпосылки для рождения суверенного государства

В 1490-е годы Москва проявляла все больший интерес к установлению мирных отношений с Османской Портой. Это делалось в целях развития своей черноморской торговли. Завязавшиеся в то время сношения между Москвой и Турцией велись в неизменно благожелательных формах. С «Римской империей» Иван III стремился не только поддержать дружеские отношения, но и использовать соперничество императора Максимилиана с польскими Ягеллонами из-за Венгрии. Он предлагал союз и намечал план будущего раздела добычи: Венгрию – Максимилиану, Литву себе. Однако Максимилиан думал достичь своих целей мирным путем. В зависимости от колебаний в германо-польских отношениях происходили изменения и в отношениях между русскими и германцами, но Максимилиан все же нашел для себя более выгодным примириться с Польшей и даже предложил свое посредничество для примирения с ней и Москвой.

Борьба с Литвой стала одним из оснований тесного союза Москвы с крымским ханом Менгли-Гиреем, укрепившимся «на Крымском юрте» в качестве вассала Турции. Иван III домогался этого союза ценой любых уступок. Он соглашался даже, если потребует хан, титуловать его «государем» и не щадил расходов на «поминки», т. е. ежегодные подарки для своего татарского союзника. Московской дипломатии удалось в конечном итоге добиться заключения желанного союза. Крымские татары стали производить периодические набеги на литовские владения, проникая далеко в глубь страны, до Киева и дальше. Этим они не только наносили материальный ущерб великому княжеству Литовскому, но и ослабляли его обороноспособность.

Союз с Менгли-Гиреем стал важным фактором для решения и другой проблемы Руси – проблемы окончательной ликвидации зависимости от Золотой Орды. При ее разрешении Иван III более чем когда-либо действовал не столько оружием, сколько дипломатическим путем; он освободил Москву от татарского ига не одним сильным ударом, а 20-летним упорным трудом. Чаще всего он не брал крепости противника штурмом, а искусным маневрированием вынуждал его крепость покинуть.

Союз с Крымом стал решающим моментом в борьбе с Золотой Ордой. К союзу, кстати, были привлечены ногайские и сибирские татары. Хан Ахмат при отступлении от Угры в 1480 году был убит ногайцами, а в 1502 году Золотая Орда была окончательно разгромлена Менгли-Гиреем. Таким образом, Иван III справился с одним татарским ханом, используя силы и средства другого.

Действуя против Золотой Орды в союзе с Крымом, Иван III военным и дипломатическим путем добился вместе с тем вассального подчинения другого татарского ханства – Казанского, – возникшего в среднем Поволжье в первой половине XV века.

При Иване III наметилась линия внешней политики Москвы и в сторону Балтийского моря. Без выхода в море внешняя торговля великого княжества была обречена на прозябание. С другой стороны, остро ощущаемая потребность в западноевропейской технике и специалистах не могла быть удовлетворена, пока враждебные Москве Литва и Ливонский орден преграждали русским доступ к балтийским гаваням. Итальянские художники и мастера, украсившие столицу Великого князя Московского произведениями искусства и архитектуры, прибывали в Москву сложными путями – через Молдавию и Крым. Разгром Ганзейского двора в Новгороде и установление дружеских отношений с Данией имели, несомненно, целью освободить новгородскую торговлю от тех преград, которые ставила ей всемогущая Ганза. С другой стороны, требование дани с Юрьевской епископии (Дерптской области), согласно договору с

ливонским орденом в 1503 году, явилось первым шагом к распространению политического влияния Москвы на Ливонию.

Как следствие осторожной и тщательно сбалансированной политики Ивана III Русское государство к началу XVI века, не претендуя на решающую роль в Европе, смогло занять в ней вполне достойное международное положение. Государство его стало вполне независимым, трон его был крепок. Рядом с ним была дочь последнего византийского императора. Противники его, как на Востоке, так и на Западе, были серьезно ослаблены. Ливонские рыцари, опора его противников в Прибалтике, были разгромлены.

Еще более широкий размах принимает международная политика Москвы при внуке Ивана III, царе Иване IV, прозванного Грозным. В первые годы его правления острие его внешней политики было направлено на восток. Создание в 1551 года стратегической базы в Свияжске подготовило почву для полного присоединения Казанского ханства. Переговоры об унии Казани с Москвой под главенством московского царя завершились полным успехом. Но в решительную минуту в Казани возобладали антимосковская военная партия, и соглашение было отменено. Поэтому присоединение Казани в 1552 году было завершено уже военными, а не дипломатическими средствами.

После падения Казани в 1555 году сибирский хан признал себя вассалом Москвы. В 1556 году практически без сопротивления сдалась Астрахань, а ее присоединение позволило царю завязать отношения с кабардинскими князьями Северного Кавказа и с тарковским «шевкалом». Позже, при сыне Ивана IV, Грузии, теснимая турками и персами, установила тесные отношения с Московским государством. В связи со «взятием» Казани и переходом под власть Москвы торговых путей по Волге и Каме были установлены в 1560-е годы дипломатические и торговые сношения со среднеазиатскими и прикаспийскими государствами, с юргенским (хивинским) князем, с «царями» «ташканским», «самарканским» и «шамахейским».

Основным направлением внешней политики Ивана IV стал, однако, не Восток. Все усилия его были устремлены на Запад. Понять царя можно. Сильное централизованное государство, каким становилось Московское царство в середине XVI века, не могло расти и развиваться без непосредственного общения с более культурными странами Запада. Экономические и военные интересы государства требовали усиления связей с Западом и привлечения оттуда специалистов, а также получения технических новинок. Блокаду, в которой фактически держали Россию враждебные ей Польша, Литва и Ливонский орден, нужно было прорвать любой ценой. Этим объясняется то удовлетворение, с которым было встречено в Москве установление прямых сношений с Англией через Белое море после 1553 года. Но условия плавания по Ледовитому океану не могли обеспечить непрерывность сношений беломорским путем. Москве нужен был выход к Балтийскому морю. Иван IV упорно шел в этом вопросе по стопам своего деда. Сначала, как и в вопросе о Казани, была сделана попытка разрешить балтийскую проблему дипломатическим путем. Срок перемирия, заключенного Иваном III с Ливонским орденом, заканчивался в 1553 году. Новые условия, выдвинутые правительством Ивана IV, должны были поставить Дерпт (Юрьев) и его область в полувассальное положение от Москвы.

Начавшаяся в 1558 году Ливонская война очень быстро развернулась в конфликт общеевропейского масштаба. Кампания первого года показала неспособность слабой феодально-раздробленной Ливонии оказать сопротивление Московскому государству. Она поставила на очередь во всей полноте балтийский вопрос в целом. Из-за прибалтийских районов разгоралась борьба между всеми заинтересованными государствами Северной Европы. В войну вступили Литва, Польша, Швеция, Дания. «Московская опасность» встревожила восточногерманских князей, не знавших, где остановится победоносное шествие русских армий. Ганзейская лига была в панике, она была готова жертвовать огромные средства, чтобы сохранить свои привилегии в регионе.

На очередных собраниях представителей государств, входивших в состав Священной Римской империи, ливонский вопрос не сходил с повестки дня. Среди имперских князей была группа, которая требовала немедленного вмешательства в войну против Москвы. Что же касается Ганзы, то ее лидеры боялись полностью утратить столь важный рынок, как Русь и поэтому предпочитали дипломатические усилия.

Император Максимилиан II пошел на компромисс, ограничившись объявлением блокады. Даже в таких отдаленных от театра военных действий государствах, как Франция и Испания, создавались проекты захвата Балтийского побережья. Подстрекаемые польско-литовской дипломатией, крымские татары и султан спешили использовать создавшуюся политическую обстановку, чтобы попытаться отвоевать Казань и Астрахань. В 1569 году литовские феодалы, опасаясь мощного наступления русских войск, вынуждены были согласиться на унию с Польшей в форме федеративной «Речи Посполитой».

В сложившихся условиях царь и его дипломаты должны были проявить и твердость, и гибкость, и умение лавировать, ведя при этом очень широкую деятельность. Иван Грозный искусно поддерживал дружеские отношения с Данией, предлагал союз Турции, отказался ради этого союза от наступления на Кавказ, выдвинул свою кандидатуру на польский престол, вел переговоры с императором, предлагал раздел Речи Посполитой с тем, чтобы «корона польская» отошла к сыну императора, а самому Ивану достались Литва и Ливония. По соглашению с Данией Иван IV образовал в Ливонии вассальное государство, во главе которого поставил брата датского короля герцога Магнуса. Во всех этих дипломатических комбинациях Иван принимал личное участие.

Но все же после 24-летней изнурительной борьбы ввиду полного истощения ресурсов ему пришлось отказаться от своих широких планов в Прибалтике. В 1582 году в Запольском Яме при участии представителя папы был заключен мир с Речью Посполитой на условиях «как до войны», с обоюдным отказом от достигнутых завоеваний.

Таким образом, несмотря на длительную борьбу, в которой проявились высокие качества и русских войск, и русской дипломатии, в условиях крайне неблагоприятной для России международной обстановки Иван IV оказался не в силах осуществить поставленные им на Западе задачи. Но и противная сторона, Речь Посполитая, была вынуждена отказаться от широких планов агрессии и от своих претензий на Псков, Новгород и Смоленск.

Для достижения своих целей польско-литовские дипломаты выдвинули в 1600 году свой проект унии между Московским государством и Речью Посполитой. Правительство Бориса Годунова отклонило этот проект. В дальнейшем дипломатия Речи Посполитой прибегла к другому методу осуществления своих планов – к выдвижению самозванцев.

Споры об опричнине

Я думаю, что в русской истории вряд ли найдется много тем, о которых столько бы писали и о которых столько дебатировали бы историки России, да и историки других стран, как тема опричнины. Моя книга посвящена отношениям, которые существовали во времена царя Ивана IV между русским государством и странами Европы, прежде всего Западной, но, на мой взгляд, опричнина вряд ли появилась бы на свет, если бы страны Балтийского региона и Западной Европы не прилагали бы столько усилий для уничтожения независимой Руси. Есть множество ученых, в том числе и российских, которые с пеной у рта готовы отстаивать тезис, что «Россия, бедная и отсталая, никому на Западе не была нужна», но, заявляя это, они почему-то неспособны объяснить, почему же тогда торговля с Россией имела такое большое значение для западноевропейской экономики, почему страны Западной Европы дрались между собой, чтобы получить привилегии и преимущества, когда они покупали российские меха, зерно, рыбу, лес или ворвань.

А чтобы эти преимущества получить, они были готовы воевать с Россией, захватывать те районы страны, которые были удобны для международной торговли (включая Новгород и Псков), и, в сущности, делать то, что страны Запада делают сегодня: пытаться свергнуть ту власть, которая мешает им «грабить» русскую землю и русский народ. В этом своем стремлении в корне изменить власть они, как это делают и лидеры ряда стран Запада в наши дни, не жалели золота, чтобы подкупить политических деятелей (тогдашних князей, бояр и воевод). И, надо сказать, у них не так редко это получалось...

Государство должно было себя защищать. И, как это ни печально, не только от внешних врагов, но и от тех русских людей, занимавших порой весьма важные посты в государстве, которые объективно действовали во вред стране, а нередко и открыто переходили на сторону его врагов.

С этой точки зрения мы можем совершенно законно провести параллель с сегодняшним днем. Предатели своего народа были, увы, всегда. Гордыня, алчность и тщеславие всегда толкают на предательство...

Но прежде, чем мы начнем говорить о собственно опричнине, я хотел бы, чтобы читатель познакомился с отрывком из книги известнейшего историка Николая Карамзина «История государства российского». Вот что он пишет о присоединении Новгорода к Московскому царству, о котором речь уже шла в нашем повествовании о Ливонской войне.

«В Новгороде со страхом ждали кары, все знали, как страшен царь в гневе, но то, что случилось, превзошло все ожидания. 6 января 1570 года Грозный прибыл в опальный город. На другой день дано было повеление истребить дубинами до смерти всех игуменов и монахов, который стояли на правее, и развести тела их на кладбище, каждого в свой монастырь. 8 января опричники схватили архиепископа Пимена и бросились грабить его владычную казну, а также все городские церкви. Сам Иван поехал на Городище и начал там суд над владычными боярами, детьми боярскими, выборными людьми и знатнейшими купцами. С ними вместе были приведены их жены и дети. Собрав всю эту толпу перед собою, Иван приказал опричниками раздевать их и терзать „неисповедимыми“, как говорит современник, муками, между прочим, поджигать их каким-то изобретенным составом, который у него назывался „пожар“. Потом он велел измученных, опаленных привязывать сзади к саням, волоча по замерзшей земле, и метать в Волхов с моста. За ними везли их жен и детей; женщинам связывали назад руки с ногами, привязывали к ним младенцев и в таком виде бросали в Волхов; по реке ездили царские слуги с баграми и топорами и добивали тех, которые всплывали. Так делалось каждый день в продолжение пяти недель».

Вот такую картину нарисовал историк Карамзин. И историю страны, написанную им, читали и барыньки, и купцы, и интеллигенты в начале XIX века, ахали и охали, проливали слезы по убиенным, и никто не задавался вопросом, откуда Карамзин, родившийся в XVIII веке, взял всю эту страшную белиберду, которая, если отнестись к ней повнимательнее, оказывается на поверку нелепым нагромождением бредовых выдумок.

Давайте попробуем разобраться. Во-первых, царь Иван прибыл не в «опальный» город; то был враждебный город, помогавший врагам его страны, – город, отряды которого под водительством местных бояр нападали на его войска. Затем, как пишет Карамзин, начинаются массовые убийства игуменов и монахов. Но об этом не писали даже злейшие враги царя на Западе; они знали его набожность и его отношение к церкви. В лучшем случае провинившихся монахов ссылали в монастыри на севере.

Но Карамзин замечает, что они были на правеже, то есть были не платившими должниками. Люди, живущие в монастырях, должниками быть не могли; какой же тут правеж? Но даже если они кому-то и задолжали, то их должны были по закону бить за это батогами по ногам, а не убивать. С чего Карамзин взял, что монахов за долги убивали? Ясно, что страсти, описанные им, предназначались для верующих, которым судьба священнослужителей была не безразлична.

Дальше – больше. Мы узнаем от Карамзина, что всех бояр и членов их семей раздевали донага и мучали. Мы узнаем еще, что царь Иван, оказывается, был химиком и собственноручно изготовил страшный раствор, который вызывал на теле людей горение. Правда, люди почему-то не умирали; их потом топили в Волхове. Забавно читать, правда, что хотя им связывали руки и ноги, кое-кто умудрялся всплывать!

Тут надо остановиться. Дело в том, что про утопление в Волхове писали все недруги царя – от изменника Курбского до польских панов. Только одни писали, что Волхове топили бояр, другие – что евреев, третьи – что новгородцев, которые сопротивлялись армии царя. Главное – что топили, и непременно в Волхове! Странно, однако, что Марфа-посадница, та самая жена боярина, которая больше всех других заслуживала кару за ее призывы к новгородцам убивать воинов царя и тех жителей Новгорода, которые были на стороне Москвы, – и, кстати, щедро раздавала деньги всем, кто этим призывам следовал, – не только не была убита или замучена, а отправлена в Москву вместе с внуком для официального судебного расследования ее деятельности.

Как утверждает Карамзин, все эти злодеяния продолжались целых пять недель. Сколько же людей погибло в Новгороде за это время? Англичанин Горси (или как его еще называют в России – Горсей), ненавидевший и Русь, и царя Ивана, безапелляционно утверждал, что в Новгороде было убито 70 тысяч человек. Он говорил, что узнал это из надежных источников. Для того, чтобы истребить такое количество, действительно могло потребоваться пять недель. Но все дело в том, что во всем Новгороде в 1570 году едва насчитывалось 70 тысяч жителей. Получается, что все жители города были поголовно истреблены!

Выходит, что Горси, Курбский и еще два или три десятка недругов России, – причем как иностранцев, так и русских, – нагло ввали, чтобы как можно сильнее очернить Ивана Грозного и его страну, а господин Карамзин это вранье повторял и даже пытался его подать читателям как можно живописнее...

Не могу судить, насколько точно и объективно осветил Карамзин другие периоды русской истории, но все, что касается периода правления Ивана Грозного, подано им весьма тенденциозно и со слов людей, для которых государственная деятельность царя, его попытки сплотить страну и отстоять ее независимость противоречили их личным интересам. Самая отвратительная, самая гнусная клевета исходила, между прочим, от тех русских изменников, которые, сбежав в Литву, Польшу или какую-либо иную страну, отрабатывали такой клеветой благодеяния

местных монархов. А убийц русских людей, пришедших на русскую землю, они всячески возвеличивали.

Но позвольте! Чем лучше них был тот же Карамзин? Он называл польского короля не иначе как «герой Баторий» – и это при том, что ему было известно, что этот «герой», захватив русские крепости, убивал русских пленников тысячами, что сжигал русские города и деревни, порой не давая людям возможности выбраться из домов! Если для него Баторий – фигура, соизмеримая с Александром Македонским, то о какой объективности этого историка можно говорить вообще? Неудивительно, что в год декабрьского восстания 1825 года в Петербурге «Историю государства российского» Николая Карамзина издали в Польше ...

А вот последствия того, что сделал Карамзин, повторяя чужую клевету. В Вики-чтении, популярном у молодежи, был помещен опус, автора которого не стоит называть, но отрывок из которого считаю нужным привести:

«Ужасное побоище продолжалось пять недель. Мужей заставляли смотреть, как истязают их жен, и наоборот. Матери присутствовали при том, как увечили, рубили секирами или четвертовали их детей. После чего сжигали или умерщвляли каким-либо иным способом самих матерей. Наиболее распространенный метод массового убийства был следующий: людей сгоняли плетями в кучи и бросали их в реку Волхов возле моста, под которым вода не замерзала. Особенно старательные опричники патрулировали вдоль берега и добивали всех, кто выплывал и проявлял признаки жизни».

Как видим, здесь уже творческое развитие вышеупомянутого горячечного бреда. Добавились еще более живописные картинки: мужей заставляют смотреть, как истязают их жен, а матерей – как рубят секирами их детей. Про связанные руки и ноги автор решил не упоминать (засмеют), но опричники все же, ходя вдоль берега, добивают тех, «кто всплывает». Смешно все равно, потому что до этого автор замечает, что вода в реке Волхов под мостом не замерзала; значит, замерзала вся остальная река. К сведению читателей: Волхов замерзает еще в ноябре, и лед на реке держится до апреля. Так куда в этом случае бросали согнанных в кучи людей – в воду или на лед? И где они из-под льда всплывали? Конечно, повторяется та же выдумка: убийства продолжались пять недель. Вот только число казненных автор не приводит: видно, знает, что в Новгороде 70 тысяч убитых быть не могло...

Я далеко не единственный историк, который придерживается позиции, что Карамзин перепевал чужие клеветнические измышления. К примеру, историк Дмитрий Белоусов написал прекрасную статью, которую озаглавил так: «Оболганный царь Иван Грозный» (или «Клевета на великого русского царя как инструмент информационной войны»). Он, совершенно справедливо называя Карамзина «никудышным писателем», так комментирует его характеристику царя в «Истории государства российского»: «Именно Карамзин облил потоками грязи и клеветы царя Ивана Грозного, выставяя его деспотом, тираном и сыноубийцей. Даже официальный историограф Романовых в XIX веке Николай Герасимович Устрялов (1805–1870) писал: “До появления в свет IX тома «Истории государства Российского» у нас признавали Иоанна государем великим: видели в нем завоевателя трех царств и еще более мудрого, попечительного законодателя”. Почему такая смена вектора? Просто карамзинская “История” основывалась на немецкой трактовке истории (Иннокентий Гизель, Герхард Миллер и проч.) и “мемуарных свидетельств вроде записок Андрея Курбского” (перебежчика и изменника – первого русского диссидента) и Палицина, и свидетельств осведомленных иностранцев. Последние несли важную, часто уникальную, неповторимую информацию, но отличались односторонностью, субъективизмом, а иногда и явной тенденциозностью, принимавшей подчас форму русофобии... К сожалению, гипноз имени Карамзина на русских профессиональных историков не рассеялся и по сей день».

Дмитрий Белоусов не просто так упомянул официального историографа Романовых. Историки XVIII–XIX веков, стараясь услужить монархам из династии Романовых, всячески

старались представить всех монархов из династии Рюриковичей значительно менее важными историческими фигурами, нежели Романовы, и тот факт, что их официальный историограф писал об Иване IV как о великом государе, о многом говорит.

Чтобы проиллюстрировать эти слова, обратимся к истории Лжедмитрия I. В допетровской истории было немало предположений, что человеком, которого называли Лжедмитрием, был на самом деле действительно Дмитрием, сыном Ивана Грозного. Он был еще маленьким, когда его мать Мария Нагая, будучи уверенной, что Борис Годунов захочет убрать законного наследника трона, чтобы сесть на трон самому, подменила мальчика: настоящий Дмитрий был где-то спрятан, а убийцы Годунова зарезали мальчика, которого держали в тереме как царского сына. В основе этой легенды лежали слухи, которые начали ходить по стране вскоре после смерти царевича: что убит был мальчик по фамилии Истомин, а вовсе не царский сын, которого давно спрятали.

Много лет назад мне попала в руки книга, которая называлась «Учебник русской истории для прогимназий». В ней эта легенда обсуждалась всерьез. Создатели книги приводили немало аргументов в пользу этой версии. Одно из доказательств, которые они приводили, было таким: когда поляки заняли Москву и привезли туда Лжедмитрия, Мария Нагая, мать царевича Дмитрия, публично признала его своим сыном.

Настоящим сыном царя считали его такие крупные историки XIX и начала XX века, как А. Суворин и К. Бестужев-Рюмин. Н. Костомаров, один из виднейших историков России, полагал, что Дмитрия легче было спасти и надолго спрятать, чем найти фигуру, которая будет играть роль царевича спустя много лет.

Если это так, то царевич был поистине трагической личностью. С точки зрения патриотов он был врагом Руси, ставленником поляков и их послушным орудием. Погиб он страшной смертью: его, жену и ребенка растерзали, и о нем в России никогда не было сказано ни одного доброго слова. Между тем иностранцы, с которыми он встречался, говорили о нем как об исключительно умном и образованном человеке. А вот в России к нему относились крайне неодобрительно. Какие же обвинения выдвигали против человека, который занял трон? Вот посмотрите: царь не спал после обеда, ходил без шапки, заговаривал с простыми людьми, не держался, как подобает государю. Страшные обвинения, правда?

Но царя этого больше всего чернили люди из окружения Михаила Романова, когда стал царем он. Надо было всячески оправдать занятие русского престола человеком, который исторически никаких прав на трон не имел. А всех прежних монархов вычеркнуть из русской истории...

Но довольно об этом. Вернемся к теме опричнины. Это слово происходит от древнерусского «опричь», что означает «вне» или «снаружи». Начнем с того, что в Русском государстве опричниной, существовавшей с 1565 года по 1572 год, называлась особая выделенная территория, в которой было свое войско и отдельный административный аппарат. В сущности, эта территория стала на период в семь лет личным уделом царя Ивана IV, но доходы с которой при этом поступали в государственную казну. Этот последний факт чрезвычайно важен: он говорит о том, что царь делал это не в личных интересах, а в интересах страны.

Но мы уже знаем, что российские историографы в своем большинстве, следуя за Карамзиным и его школой, оценивают этот период как время крайне репрессивных мер, конфискации земель знати и церкви в пользу государства и массовых казней в борьбе с предполагаемой изменой в среде князей и бояр. Соответственно, Большая российская энциклопедия трактует опричнину как время, когда самодержавная власть приняла форму террористической деспотии.

Понятно, что такой вывод сделан прежде всего потому, что никакой «предполагаемой измены» в правящем классе страны не было. Но мы с вами уже знаем, что изменники были, что их было много, и что ими двигали прежде всего личные интересы. Такое происходило не

раз в нашей стране на протяжении всей ее истории, да и в других странах в разные эпохи – и обычно с помощью иностранного вмешательства. Вот один пример – старая Англия. В 1215 году местные бароны с помощью французов захватили власть и потребовали, чтобы король Иоанн Безземельный принял законы, которые гарантировали бы знати безнаказанность и право по своему разумению распоряжаться людьми и ресурсами на своей земле – иначе, творить произвол. И добились своего! На свет появилась Великая Хартия вольностей...

Со своей знатью боролись шведские, французские, итальянские короли, причем далеко не всегда успешно. Но русские историографы почему-то никогда не называли правителей этих стран проводниками «террористической деспотии», зато считали себя вправе присваивать этот ярлык правлению русских царей Ивана IV, Петра I, Николая I. И здесь важно то, что, как правило, призывы к русским либералам и западникам «свергнуть тирана» и «покончить с деспотией» приходили из тех стран, которые были враждебны России, воевали с ней и не раз проигрывали ей войны. Степень вовлеченности разных групп населения в борьбу с центральной властью была, конечно, всегда разной. Но при Иване Грозном против него ополчилась почти вся знать: ведь он медленно, но неуклонно отвоевывал у нее сословные привилегии, право творить произвол и беззастенчиво грабить другие сословия.

Особенность ситуации в России была в том, что к 1560 году против России в Балтийском регионе воевали Швеция, Дания, Польша, Литва и тысячи европейских наемников, а помогали им Османская империя и Крымское ханство. Это значит, что ситуация была намного опаснее и сложнее, чем когда-либо прежде. И царь Иван IV, который с юных лет был научен думать прежде всего о стране, а потом уже о благополучии его большого семейства, с ужасающей ясностью сознавал, что если на его месте окажется человек, который будет торговать землями и людьми Руси, ее со временем вообще не окажется на карте мира. Ее разделят между собой шведы, поляки, татары и, возможно, кто-нибудь еще. Значит, надо было принять самые жесткие меры, чтобы армия внутренних врагов не одержала победу над ним с помощью иноземцев.

Заметим, что ни один из бояр и не подумал поговорить с царем, высказать, что он думает про политику государя, найти какое-либо взаимоприемлемое решение: например, предложить ему более строгий государственный контроль над вотчинами, а не отбирать их. Нет – большинство сделало вывод, что надо бежать за границу, к врагам России, и с их помощью свергать царя – либо убить его и сделать царем своего человека. В конце концов, как мы знаем, так и получилось.

Бояре сетовали, что царь все больше полагается на чиновников своего государственного аппарата, а не выходцев из боярских семей.

Князь Курбский, недовольный ущемлением привилегий знати, писал:

«...Писарям русским князь великий зело верит, а избирает их ни от шляхетского роду, ни от благородна, но паче от поповичей или от простого всенародства, а то ненавидячи творит вельмож своих».

15 января 1562 года царь издал указ, который ограничивал вотчинные права знати, по сути дела уравнивал бояр с поместным дворянством. Как отреагировали на это князья и бояре? Те, кого это затронуло больше всех, не нашли ничего лучшего, как бежать к недругам России. Пытались бежать за границу князь Глинский и Шереметев, но были пойманы. Дважды пытался сделать это князь Бельский. И они, заметьте, были прощены «тираном», а не казнены!

Но другим бежать удалось: бояре Пухов-Тетерин, Колычев и Сарохозин оказались в Польше. Наконец, туда же сбежал князь Курбский, о котором мы рассказывали выше. И все они тут же включились в подрывную деятельность и в активную антирусскую пропаганду, которую вели поляки и литовцы с помощью немцев. Даже брат царя Владимир Старицкий шпионил в пользу поляков: он сообщил им тайно о намерении царя осадить Полоцк. Теперь читатель может представить себе масштабы предательства в окружении самого царя. И когда в 1564 году русская армия была разбита в битве при Чашниках, несмотря на превосходство в силах,

царь, заподозрив измену, казнил виновников поражения: своих двоюродных братьев князей Оболенских, а также князей Репнина и Кашина.

То, что заговор существовал, подтверждают записки некоего Генриха Штадена (это имя, скорее всего, заимствовано у известного путешественника Генриха фон Штадена). Штаден, авантюрист, который почти двенадцать лет жил в России и даже якобы был опричником Ивана Грозного, по возвращении в Западную Европу участвовал во многих антирусских акциях. Подозревают, что жил он в России по заданию германских князей – как агент их политической разведки. Но он тем не менее написал книгу «Страна и правление московитов», в которой содержится немало важной и корректной исторической информации.

Так вот, Штаден пишет, что в начале декабря 1564 года была предпринята попытка вооруженного мятежа против царя Ивана IV, в котором принимали участие и русские, и западные князья. «Многие знатные вельможи, – пишет он, – собрали в Литве и Польше немалую партию и хотели с оружием идти против царя своего».

То, что заговоров было много и в них принимало участие много людей, очевидно. Но многочисленность заговорщиков объяснялась главным образом тем, что вокруг каждого боярина группировались его приспешники, его слуги, его охранники и прочие люди из простонародья, которых он нанимал. Соответственно, гибли от опричнины и землевладельцы, и простолюдины: ведь на одного боярина приходилось три-четыре землевладельца, а у каждого работали десятки простолюдинов.

Известно и то, что князья и бояре обычно бежали за границу с десятком, а то и целой сотней своих слуг. Причем зерна заговоров зрели не только в боярских палатах, но и в митрополичьих: ведь высшие священнослужители той эпохи были выходцами из богатых и знатных семей. Подчиняясь сословным и родственным связям, а также и личным убеждениям, некоторые священнослужители в своих проповедях чернили царя, призывали паству ему не подчиняться. А Митрополит Московский Филипп вообще отказался благословить поход русской армии на Новгород, начал обвинять царя в злонамеренности. Он открыто выступал против царя и опричнины. Кончилось тем, что он был решением церковного собора лишен сана и отправлен в ссылку. Впоследствии выяснилось, что среди его родни были заговорщики, планировавшие убийство царя.

В стране создалась ситуация, когда судьба царя, а следовательно, и центральной власти, которая являлась гарантом сохранения единого государства и его независимости, висела на волоске. Царю доложили, что в земщине готовится заговор, целью которого является его свержение и установление на троне его двоюродного брата князя Владимира Старицкого. И самое страшное: царь не мог ни с кем посоветоваться, ни на кого опереться; даже в ближайшей его родне, как видим, были люди, желавшие его свержения и смерти. Как тут быть?

И тогда Иван IV решил, что без театрализованного представления ему не обойтись.

Грандиозное шоу Ивана IV

Началось это «шоу» с того, что 3 декабря 1564 года Иван Грозный с семьей внезапно выехал из столицы – как сообщалось из дворца, на богомолье. С собой царь взял казну, личную библиотеку, иконы и символы власти. Направился он в село Коломенское, где действительно усердно молился в двух церквях. А 21 декабря царский санный поезд прибыл в Троице-Сергиев монастырь, находящийся к северо-востоку от Москвы. С политической точки зрения это тоже был важный ход: царь отправился на богомолье в то место, которое было известно всей стране: здесь в 1337 году основал поселение преподобный Сергей Радонежский, и здесь спустя несколько лет возник монастырь, который сыграл важную роль в политической жизни Руси, был много лет опорой власти и народа. Монастырь принимал участие в борьбе против татаро-монгольского ига. Здесь Сергей Радонежский благословил князя Дмитрия Донского и воинов-монахов Пересвета и Ослябю на битву, известную под названием Куликовской. Отправившись на богомолье именно туда, царь показал, что ему, как и Дмитрию Донскому, предстоит серьезное сражение за выживание Руси. После богомолья царь не вернулся в Москву; он и его семья расположились в Александровской слободе (ныне город Александров). И вот тут последовал важнейший акт задуманного царем сценария: 3 января 1565 года он объявил о своем отречении от престола в пользу старшего сына, юного царевича Ивана Ивановича: по причине «гнева на бояр, церковных, воеводских и приказных людей». В послании говорилось об измене бояр, об их подлых деяниях в отношении царства.

Послание зачитывали у церквей, на рынках, во всех людных местах, и оно тут же вызвало в Москве массовые волнения. Анти-боярские настроения охватили тысячи москвичей, а за ними и многих жителей других ближних городов. В Кремль направились толпы москвичей, протестующих против «боярских измен» и их «зла против Руси». Эти волнения, грозившие перерасти в большой бунт, всерьез напугали бояр, и Боярской Думе ничего не оставалось, как обратиться к царю Ивану с просьбой вернуться на царство. Через два дня в Александровскую слободу прибыла целая делегация князей и бояр во главе с архиепископом Пименом (Новгородским), которая уговорила царя вернуться на престол. Убедившись, что бояре достаточно напуганы и действительно хотели бы возвращения царя, Иван IV принял 5 января 1565 года решение учредить опричнину. Все прошло так, как он задумал.

В начале февраля 1565 года царь Иван вернулся из Александровской слободы в Москву, где объявил, что вновь принял на себя правление – с тем, чтобы мог теперь карать изменников, налагать на них опалу, лишать имущества «без доуки и печалований» со стороны духовенства и учредить в государстве «опричнину» – то есть особую форму правления.

Теперь царь, по существу, жил то в Москве, то в Александровской слободе, причем явно отдавал предпочтение последней: видимо, считал там себя в большей безопасности. Она была некогда загородной резиденцией его отца; теперь же она стала не просто резиденцией царя Ивана IV, но и столицей опричнины. До 1581 года слобода оставалась, таким образом, главным политическим центром Русского государства. Здесь царь и его семья находились во время «Моровой язвы» – чумы, охватившей Москву в 1568 году.

При Иване IV на территории Слободы стояли дворец государя, дворец царицы и дворцы царевичей – Федора и Ивана; каждый из членов царской семьи имел свои покои. Жили здесь и их духовники.

Но слобода довольно быстро превратилась и в главный культурный центр страны. В 1569 году сюда из Москвы была перевезена первая в России типография. Ученики первопечатника Ивана Федорова Андроник Тимофеев (Невежа) и Никифор Тарасиев в 1578 году напечатали в ней Псалтирь: он был переизданием первого русского учебника «Псалтирь Учебная», который был выпущен в Москве еще в 1568 году. В дальнейшем типография печатала, кстати, не

только книги, но и листовки контрпропагандистского характера, которые распространялись в немецких городах: в них было немало бранных слов в адрес Стефана Батория. В слободе жили и трудились зодчие, иконописцы, музыканты.

В «книгописной палате» при Государевом дворе появился на свет Лицевой Летописный свод, была создана русская «высокая музыкальная школа», то есть консерватория. Проходил в Александровской слободе в 1571 году и конкурс, который можно было бы назвать первым в истории конкурсом красавиц России: то был царский смотр невест. Со всей Руси сюда приехали две тысячи красавиц, из которых Иван Грозный выбрал себе в жены Марфу Собакину.

Но развлечения такого рода были редкостью в Александровской слободе. Ведь царь Иван создавал корпус опричников как нечто похожее на орден монахов-воинов. Одежанием опричники напоминали монахов (черные скуфейки и подрясники), однако в отличие от них они имели право носить и применять оружие. Приветствием опричников был клич «гойда!». Каждый опричник приносил клятву на верность царю и обязывался не общаться с земскими. Будучи опричным «игуменом», царь исполнял ряд монашеских обязанностей. Вторым после игумена считался келарь Афанасий Вяземский. Пономарем был Малюта Скуратов. Так, в полночь все вставали на полунощницу, в четыре утра – к заутрене, в восемь начиналась обедня. Царь показывал пример благочестия: сам звонил к заутрене, пел на клиросе, усердно молился, а во время общей трапезы читал вслух Священное Писание. В целом, богослужение занимало около девяти часов в сутки.

Но духовность и глубокая религиозность, конечно, не были идеологическим смыслом опричнины. Высокая цель опричнины была сформулирована так: «просеивание русской жизни» для отделения «добрых семян православной соборности» от «плевел еретических мудрствований, чужебесия в нравах».

Когда читаешь свод правил, учрежденных для опричников, возникает подозрение: а не был ли царь Иван знаком с уставом ордена тамплиеров? Многие положения их сходны. Но, в сущности, это может быть и простым совпадением. Уже с древних времен в России осознали, что участие в походах множества необученных крестьян и ремесленников не всегда гарантирует победу. Древнерусское войско было различно по своему составу. В зависимости от характера и целей войны в них принимал участие или только узкий круг княжеских дружинников, или массив крестьян, набранных из подвластных земель.

Но во времена Ивана Грозного преимущества регулярного, отлично обученного и хорошо вооруженного войска уже были наглядно продемонстрированы боевым применением стрельцов и отборных конников в доспехах. Рождение отрядов опричников давало возможность создать отборное войско, элитную гвардию, которая, будучи наилучшим образом подготовленной к ведению боевых действий, обладала бы и всеми другими качествами элитных подразделений. Это было бы войско, сплоченное идеей, преданностью царю, духовно сильное; иными словами, содружество таких истинно православных воинов, которые были готовы на смерть за царя и отечество. Как видим, сходные черты между опричниками и рыцарями-тамплиерами были...

Кроме того, опричное войско должно было приобрести и некоторые черты, типичные для службы разведки. Информация о действиях недругов царя, и тем более о выступлениях дружин или отрядов бояр, находящихся под подозрением, приходила в опричные города регулярно: как днем, так и ночью туда прибывали гонцы на взмыленных лошадях, чтобы царь и опричные воеводы были хорошо осведомлены о подозрительных действиях лиц, которых подозревали в измене. Причем информация приходила даже тогда, когда отряды этих бояр двигались в лесах, вне дорог...

Опричники делились на государев полк, то есть гвардию, и четыре приказа, которые должны были обеспечивать деятельность всей системы опричнины и выполнять функции административно-хозяйственного характера. Соответственно, в него входили четыре приказа:

Постельный приказ, который обеспечивал обслуживание резиденций царя и его семьи и ведал снабжением предметов обихода, Бронный приказ, который был органом военного управления и поставок вооружений, Конюшенный приказ, в ведении которого находились лошади, конюшни и транспортные средства дворца и царской охраны, и Сытный – то есть продовольственный.

Заметим, что Бронный приказ был многофункциональным военно-административным органом, задачи которого во многом предвосхищали деятельность современного Генерального штаба и в ведении которого находились не только снабжение войск оружием, доспехами и снаряжением, но и различные мастерские, поставлявшие все это в войска. К тому же он имел еще и судебные функции. Всего во всех приказах числилось более 2000 человек разного персонала.

Что же касается опричного войска, то в 1565 году, когда оно создавалось, в него было отобрано тысяча человек. Но то была лишь основа «государева полка». Со временем его численность выросла до шести тысяч. Кроме того, к ним надо причислить служилых людей с опричных территорий, которые находились в распоряжении опричных воевод. К примеру, стрельцы на опричных территориях также подчинялись воеводам опричного войска. В общем и целом под личным командованием царя к 1570 году в опричных отрядах и в подчиненных воеводам войсках насчитывалось около 10 тысяч человек.

Кроме того, была сформирована и «особая опричнина». Число людей в особой службе варьировалось в разные годы от 500 до 1000 человек: они выполняли разведывательные, следственные и карательные функции, а также, когда необходимо, служили порученцами царя.

Как видим, в стране появилась новая, двойная и смешанная система управления, в которой более важная, доминирующая роль была отведена опричнине как системе, починенной лично царю. Содержание этой системы и ее повседневное обеспечение было делом масштабным, дорогостоящим. Поэтому на содержание опричнины царь назначил особые города, числом около двадцати. Среди них были Вологда, Вязьма, Суздаль, Козельск, Великий Устюг с волостями. То были не бедные города, и среди них особо выделялись как процветающие Вологда и Великий Устюг; царь даже одно время хотел сделать Вологду столицей опричнины. В самой Москве некоторые улицы были отданы в распоряжение опричнины (Чертольская, Арбат, Сивцев Вражек, часть Никитской и другие); прежние жители были переселены на другие улицы. Кстати, Чертольская (или Черторьская) – это нынешняя московская улица Пречистенка, одно время называвшаяся Волхонкой.

Все остальное государство должно было составлять «земщину»: царь поручил его земским боярам, то есть собственно боярской думе. Во главе земщины оказались князья Бельский и Мстиславский. Управлять они должны были так же, как это было раньше, до введения опричнины, но и тут был введен новый порядок: со всеми большими делами следовало обращаться к боярам, но ратные или наиважнейшие земские дела оставались в компетенции самого государя.

Опричнина была введена в то время, когда оппозиционные силы не только срачивались, но и приобретали новые возможности для роста и активной деятельности: им все больше помогали страны Балтийского региона, а Польша и Литва обещали всем сановным изменникам вотчины и золото за предательство. В 1568 году был арестован некий Федоров-Челядин: его обвиняли в том, что он создал из своих друзей, помощников и слуг целый боевой отряд, с помощью которого готовился свергнуть царя. Он и все 30 человек, входившие в его отряд, были казнены. За этим последовала целая серия арестов и казней: летом были схвачены и казнены несколько князей, которые участвовали в заговоре, и несколько групп их сообщников: всего более трех с половиной сотен заговорщиков.

«Опричный террор» и страшные выдумки

Казни бояр вершились, никто этого отрицать не может. За ними последовали новые: сотни человек были преданы суду за измену и заговоры и тоже были казнены. Это факты – так же подтвержденные документально, как и наличие заговоров, причем масштабных, в которых участвовали десятки бояр, и еще сотни были в эти заговоры посвящены. И в каждом заговоре со времени начала Ливонской войны, – а она началась за шесть лет до введения опричнины, – неизменно находили польский или ливонский след. То есть бояр и их приспешников постоянно подталкивали к преступлению и снабжали деньгами враги русского государства. Но если верить Карамзину и его последователям, то царь Иван целенаправленно совершал геноцид собственного народа!

Познакомьтесь с еще одним опусом гения исторической науки: с рассказом о том, как царь вместе со всем двором и дружиной на пути в Новгород вошел в декабре 1569 года в Клин. «Думая, вероятно, что все жители сей области, покоренной его дедом, суть тайные враги Московского Самодержавия, Иоанн велел смертоносному Легиону своему начать войну, убийства, грабеж там, где никто не мыслил о неприятеле, никто не знал вины за собою; где мирные подданные встречали Государя как отца и защитника. Дома, улица наполнилась трупами; не щадили ни жен, ни младенцев. От Клина до Городня и далее истребители шли с обнаженными мечами, обогащая их кровью бедных жителей, до самой Твери, где в уединенной тесной келии Отроча-монастыря еще дышал Св. старец Филипп, молясь (без услышания!) о смягчении Иоаннова сердца...»

Каково? Кровь стынет в жилах! А пафос, а трагические ноты! Шли с обнаженными мечами, обогащая их кровью бедных жителей – и до самой Твери! А это восемьдесят километров по снегу. И где они нашли на зимней дороге столько «бедных жителей»? Но ведь действует эта «деза» до сих пор! Вот что говорится в статье на сайте по истории Клина: «Оголтелые опричники врывались в дома клинчан и убивали тех, кто встречался на пути: дома, улицы наполнились трупами, не щадили ни жен, ни младенцев».

Молодец Карамзин! Его цитирует даже этот сайт. И люди верят. Или вот что пишут на сайте церкви Успения Богородицы, что в усадьбе Демьяново, город Клин. Цитирую: «Во время карательного похода на „град мятежный“ Новгород опричное войско сравнило с землей древний город Клин». То есть не только убивали жителей, но и город сравнивали с землей! Надо понимать, опричными бульдозерами...

А на самом деле было вот что. Клин в те времена с натяжкой можно было бы назвать городом: небольшая церковка, деревянные дома, не больше трех дворянских усадеб. Население его сегодня около 80 тысяч; в XVI веке вряд ли превышало тысячу, скорее здесь жило человек триста. Опричникам донесли, что один из местных дворян собирается отправиться со своим отрядом на помощь новгородцам. Возможно, он приходился родственником кому-то из новгородцев. Опричники ворвались в его небольшую усадьбу, но хозяин и его люди решили оказать им сопротивление и были перебиты. Войска и опричники ушли колоннами в сторону Новгорода, а местные жители, вполне вероятно, не упустили возможности взглянуть, что же там было в доме заговорщика...

Но обратите внимание, что из этого эпизода сделал Карамзин! И все им придумано только для того, чтобы еще раз облить грязью царя и напомнить о злосчастной судьбе отставного митрополита Филиппа. А жители Клина и даже местные историки воспринимают его выдумки как истину. Более того, бытует легенда, что Успенская церковь в Клину была заложена в 1572 году в память о жителях города, погибших от рук опричников. Как долго живет клевета...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.